

Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
по литературе 2019/2020 учебный год
9 класс

Задание №1 Аналитическое задание
(целостный анализ поэтического ИЛИ прозаического текста – по выбору ученика)

Выполните целостный анализ стихотворения *Владимира Николаевича Соколова (1928–1997) «Паровик. Гудок его глухой...»*, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: основной пафос произведения, диктуемый настроением лирического героя; ключевая идея стихотворения, подчёркивающая позицию автора; основные художественные образы, выражающие соотнесённость внешнего мира и внутреннего мира лирического героя, и художественные детали, их организующие; а также иные специфические элементы содержания и формы (поэтики) стихотворения.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.

В.Н. Соколов

* * *

Паровик. Гудок его глухой.
Ночь. Платформа. Думы об одном.
Снег метался, тонкий и сухой,
Железнодорожным полотном.

Извивался в свете фонаря,
Шёл в порывах. Дрогнул паровик,
Белый дым, волнуясь и паря,
Снизу вверх окутал мост на миг.

Мост был выгнут через полотно.
Кто-то шёл по этому мосту.
Шёл незримо в клубах дыма, но
Сбоку луч вонзился в темноту.

И на дым летучий, на ничто
Пала человеческая тень.
Тень людская: кепка и пальто.
Дым качнулся, свет умчался в темь.

Паровик прогрохал под мостом,
Электричка встречная прошла.
И исчезла в воздухе пустом
Тень, что дымом поймана была.

Я не знал, что делать мне с тоской
О часах текучих... А кругом
Снег метался, тонкий и сухой,
Задышался и бежал бегом.

Только я запомнил не его.
Свет и дым, и чью-то тень навек.
И не знал об этом ничего
Тот, мостом прошедший человек.

Выполните целостный анализ рассказа *Алексея Николаевича Толстого (1882–1945) «Логутка»*. Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): композиционные особенности произведения, сюжетную динамику истории; роль художественных деталей в повествовании; наконец, постарайтесь сделать вывод о своеобразии авторской позиции в произведении.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.

А.Н. Толстой

ЛОГУТКА

Я помню ясно, хотя мне было семь лет в то время, как началась беда. Мать и отец стояли на балконе и серьёзно глядели туда, где, обозначаясь на горизонте невысокими курганами, лежала степь с прямоугольниками хлебов.

За курганами на востоке стояла желтоватая мгла, не похожая ни на дым, ни на пыль.

Отец сказал: «Это – пыль из Азии», и мне стало страшно. Каждый день с этих пор мать и отец подолгу не уходили с балкона, и ежедневно мгла приближалась, становилась гуще, закрывала полнеба. Трудно было дышать, и солнце, едва поднявшись, уже висело над головой, красное, раскалённое.

Трава и посевы быстро сохли, в земле появились трещины, иссякающая вода по колодцам стала горько-солёной, и на курганах выступила соль.

Всё, с чем я играл – деревья, заросли крапивы и лопухов, лужи с головастиками и тенистый пруд, – всё высыхало теперь и горело. Мне было жутко и скучно...

В то время захала к нам городская барышня погостить. Побежала в сад, увидела высокую копну, схватила меня и, так как я, присев, упёрся, она упала в копну, предполагая, что это: «душистое сено, какая прелесть», и за воротник барышни, в уши, в волосы и глаза набилось колючей пылью пересохшее до горечи сено.

Разговоры становились всё тревожнее; у крыльца появлялись мужики без шапок. Матушка в это время ходила по комнате, заложив руки за спину, всё думала и думала, поправляя пенсне на шнурочке.

Наконец окончилось это долгое, как горячка, лето, и поздней осенью однажды подали к обеду чёрные щи. Матушка сняла крышку с чугуна, взглянула на отца:

– Больше ничего не будет.

– Поешь этих щей и запомни, – сказал мне отец, – что твои товарищи – деревенские мальчишки – сейчас и этого не едят.

Мне стало жаль деревенских мальчишек, которые ничего не едят; отец же, катая хлебный шарик, дудел марш. Подудев, сказал:

– Но как помочь, не знаю.

Снег выпал поздно, потом растаял, и по вновь оголённой земле хватило гололедицей, погубив озимые. Но на льду пруда снег только подъело, он расплылся жёлтыми пятнами и подёрнулся коркой.

Я бегал по пруду, пуская стрелки и не видя против солнца, куда они упадут.

Запустив стрелу до плотины, я видел между вётел матушку; она шла в чёрной шубе и оренбургском платке, опутив голову.

Матушка очень задумалась, и мне стало жалко её, такую родную и обыкновенную. Я окликнул. Матушка улыбнулась и протянула руку. Потом, взяв меня сзади за кушак, спросила рассеянно, по привычке:

– Ты о чём думал? – Потом: – Хочешь, пойдём со мной в деревню; помнишь Логутку, твоего товарища, он очень болен.

Мы взошли по застывшей дороге на изволок, откуда показалась растянутая по берегу реки деревня.

Серые избы стояли без крыш. Вместо них торчали трубы и стропила кое-где, словно после пожара; а позади на гумнах виднелись только плетни, канавы да голая ива.

У крайней избы стоял мужик, глядя на дорогу. Матушка его окликнула:

– Что, Николай, жива ещё кобыла?

Мужик, держась за кушак, мотнул головой, повернулся и побрёл на двор.

– Вон кобыла, – сказал он хриплым голосом и указал под навес, где, подтянутая на подпругах к перекладине, стояла карая лошадь, опустив большую морду до копыт.

– Как-нибудь выживет, – сказала матушка.

– Куда она годна – падаль, – ответил мужик, – теперь я человек нерабочий, – и он опять заложил руки за кушак. Мы направились наискось через улицу.

Логуткина мать глядела через окошко; увидев нас, она сморщила высокий лоб, поправила повойник и отвернулась, но, когда мы вступили в тёмные сени, сама отворила дверь, сказала спокойно:

– Пожалуйста, барыня-ягодка, – и пропустила нас в холодную избу, где у печи я сейчас же заметил дохлого чёрного поросёнка.

– Околел чёрненький, – сказала Логуткина мать, – а умный какой был, с нашей собакой в будке жил и на людей кидался.

– Ну, а Логутка? – строго спросила матушка и сейчас же прошла за перегородку, где на деревенской койке, под лоскутным одеялом, лежал, закрыв глаза, мальчик, с волосами белыми, как лён.

Волосы на виске были потемнее и мокрые, лицо, как у лисички, повёрнуто к плечу, рот раздвинут, на щеках – морщины...

– Плачет, всё плачет он, – сказала Логуткина мать, – нелегко ему расставаться, а пузичко ничего не принимает, съест и всё назад.

– Ты что же это – хворать выдумал? – спросила матушка, положив руку Логутке на темя.

Он пошевелил бровями и наклонил голову к другому плечу.

– Чайла – подрастёт, работать за меня будет, – сказала Логуткина мать, – а теперь вижу, пускай его бог приберёт...

И обе они ушли за перегородку, потом совсем из избы.

Логутка перестал морщиться, открыл глаза, поглядел на меня и сказал:

– Поросёнок у нас подох, а умел по-собачьему лаять.

Матушка и Логуткина мать скоро вернулись, ведя давешнего мужика. Он указал корявым пальцем на Логутку, спросил:

– Этого парнишку? – и поднял его вместе с одеялом на руки, а Логуткина мать вдруг зашептала:

– Ты не очень его ломай, он больненький.

– Не сломаем, – ответил мужик и пошёл впереди нас из избы за ворота, через село к усадьбе, унося Логутку.

Логутку положили в гостиной и тотчас дали ему чаю. Выпив, он принялся стонать и стошнил всё, что съел и выпил.

Матушка просила Логуткину мать остаться на кухне; она посидела у дверей, потом, как рассказывали, махнула рукой и ушла назад на деревню.

В столовой зажгли лампу; отец, примостясь с краю обеденного стола, щёлкал счётами и водил пальцем по приходе-расходной книге. Матушка, отогнув скатерть, расставила аптечные пузырьки и тёрла мазь в ступке. Очищая фарфоровый пестик, она сказала:

– Но как же иначе? Логуткина мать, по-моему, душевно больна: я не представляю, как можно, даже в самых тяжёлых условиях, желать смерти ребенка.

Отец остановил ногу на книге, приподнял голову и произнес: «угу».

– Ты меня осуждаешь, – продолжала матушка, – но я и не думаю успокоиться на том, чтобы спасти одного крестьянского мальчика... Во-первых, надо же начать с чего-нибудь... И не всем дано вершить большие дела.

Отец опять защёлкал костяшками, но уже без толку, потом, прищуря глаз, долго глядел на горелку лампы.

– Он всё равно умрёт. Твоя душевная сила расходуется даром. Я нахожу, что подобные поступки есть скрытое самолюбование, тот же эгоизм.

Так они поссорились. Отец сбежал в библиотеку, принёс книги и читал из них опять про тот же, часто им упоминаемый, эгоизм; матушка тоже открывала книгу, но, не прочитав, клала её на стол. Наконец она отвернулась и заплакала, отец потянулся, чтобы её обнять, увидел меня в углу дивана и, удивясь, отослал в детскую.

По пути я заглянул в тёмную гостиную; месяц светил в окно, заливая пузырчатым светом штукатуренную стену и подушку, на которой, раскрыв глаза, лежал Логутка.

– Логутка, – окликнул я, – ты отчего не спишь?

Но он даже не моргнул. В каждом глазу его светилось по месяцу, нос был острый; я собрался окликнуть погромче, но подошла матушка и прошептала, прикрывая дверь:

– Не буди, он заснул.

Я вдруг проснулся, сел на кровати и стал глядеть на полуоткрытую дверь, которая вела в соседнюю с детской библиотеку: оттуда шел жёлтый свет, ложась на полу углом...

«Наверно, несчастье, – подумал я, – в библиотеке свет», – и, потянув за собой вязаное одеяло, прокрался к двери и заглянул в узкую комнату с чёрными шкафами.

У окна, боком ко мне, перед конторкой стояла матушка, глядя на огонь лампы. Зубами она покусывала вставочку, улыбаясь, или вздыхала; потом, обмакнув перо, наклоняла голову и принималась писать.

– Мама, что ты делаешь? – спросил я шёпотом. Она сейчас же оглянулась, словно не видя, потом глаза её стали ясными. Она подошла, взяла меня за плечи, закутала одеялом, посадила в кресло и сказала:

– Разве можно не спать по ночам? Сиди смиренно, я тебе дам картинки, – раскрыла высокий шкаф, сунула мне неинтересную книжку без картинок и вернулась писать, повторяя: – А теперь не мешай, не мешай мне.

Я решил, что матушка пишет письмо отцу: они часто, поссорившись, писали так друг другу длинные письма. Вдруг она воскликнула каким-то странным голосом:

– Конечно, я заставлю его перед смертью сказать об этом, – и, перевернув страницы, она принялась читать вслух написанное.

Вначале было обо мне, как я бегал, краснощёкий и здоровый, по пруду, потом как мы встретились с матушкой и пошли на деревню; прочла и про мужика и про чёрного поросёнка, но больше всего про Логутку.

Но всё это я уже знал, многое нашел пропущенным и, соскучась, уснул.

– И пузырь здесь, ну, ну, послушаем, – вдруг над самым ухом страшно громко воскликнул отец. Я изо всей силы раскрыл глаза и увидел его: он сидел в кресло, поддерживая на себе ночное бельё, чтобы оно не свалилось. Борода его, на две стороны, и волосы были растрёпаны, лицо заспано, и он, протирая средним пальцем веки, продолжал:

– Это, пожалуй, тоже из области фантастического? Вдруг начать писать рассказ посреди ночи...

– Логутка, рассказ называется Логутка, – проговорила матушка взволнованным голосом, и полное, покрасневшее лицо её так и осветилось. – Ты пойми – вот, наконец, то, чем я могу принести настоящую пользу. Этот рассказ прочтут все и почувствуют, как нужна помощь...

– Гм, – сказал отец, – впрочем, чего не бывает: читай, я слушаю, – и он подпер щёку.

Матушка нагнулась к свету лампы над конторкой, покраснела, украдкой взглянула на отца и начала читать.

Отец слушал сосредоточенно, сдвинув брови. Но я видел, что ему страшно хочется спать. Он вставал до света и суетился весь день. Постепенно брови его раздвигались: один раз он сразу их поднял и опять опустил, полузакрыв глаза; на скуле появилась выпуклость, словно катался во рту орех, а угол рта и ноздря натянулись... Вдруг он мотнул головой сверху вниз, испугался, сделал необыкновенно внимательные глаза, но, когда я опять взглянул, он уже спокойно спал, опершись на ладонь.

Матушка читала, покачивая головой. Один раз у неё даже слёзы появились, и голос стал глухим.

– Ну, вот и рассказ, только я не знаю – каким сделать конец, – и обернулась. Отец всхрапывал в кресле.

Матушка покашляла немного, развернула, свернула и вновь развернула листки и, взяв их за край, разорвала, затем скомкала и швырнула рукопись в угол...

Отец проснулся в испуге, но матушка, презрительно усмехнувшись, прошла мимо него прочь из библиотеки.

– Ну, вот мы с тобой и провинились, – сказал отец, разглаживая на конторке обрывки рукописи, – ну, ничего, я перепишу завтра, вот и всё... А правда, хороший рассказ... Только, брат, когда встанешь до света, трудно после полуночи слушать рассказы.

Он запер в конторку рукопись, взял меня за руку, и мы пошли через коридор в спальню к матушке.

Около двери постояли; отец погрозил мне пальцем и постучался, но в спальне никого не оказалось...

Мы обошли залу, столовую, заглянули в чулан и под лестницу...

– Вот тоже голова с мозгами, – воскликнул отец, – мать же в гостиной у Логутки! – И когда мы осторожно туда заглянули – увидели матушку, стоящую перед диваном, в лунном свете.

– А мы пришли прощенья просить, – сказал отец, держа меня перед собой за плечи, – нам рассказ очень понравился.

– Тише, – прошептала матушка, – он умер.

1912–1913

Задание №2 **Творческое задание**

Высоко оценивая басни И.А. Крылова, В.Г. Белинский писал, что поэт «вполне исчерпал в них и вполне выразил ими целую сторону русского национального духа: в его баснях, как в чистом, полированном зеркале, отражается русский практический ум, с его кажущейся неповоротливостью, но и с острыми зубами, которые больно кусаются, – с его сметливостью, острою и добродушно-саркастическою насмешливостью, с его природною верностью взгляда на предметы и способностью коротко, ясно и вместе кудряво выражаться. В них вся житейская мудрость, плод практической опытности, – и своей собственной, и завещанной отцами из рода в род...». Тексты басен действительно разошлись на цитаты: крылатыми выражениями стали «а ларчик просто открывался», «у сильного всегда бессильный виноват», «а Васька слушает, да ест», «ты сер, а я, приятель, сед». Выберите из басен Крылова эпитафия для произведения современной литературы (вы можете воспользоваться приведенными строчками или вспомнить необходимые цитаты сами). Кратко расскажите о выбранном вами произведении современного автора: какие смысловые акценты расставляет выбранный эпитафия? как изменится читательское восприятие произведения при появлении эпитафия? (примерный объем ответа – 100-150 слов).

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.